

Здравствуйте, дорогая Ольга Васильевна!

Из Вашего письма я понял, сколько сил, энергии и времени потрачено Вами на нелегкую борьбу с флотскими чиновниками. Я прочитал всю повесть Черкашина и сам, как участник этой трагедии полностью с ним согласен. Здесь некоторые товарищи сомневаются в подлинной документальности всего происшедшего. Да, прошло столько времени, и для восстановления истины памяти уже не достаточно. Для этого можно ознакомиться с архивом комиссии по расследованию аварии, где все наши показания фиксировались стенографистами. Но ведь главное в данный момент, я считаю - это, как говорят, одвинуть дело с мертвой точки. Открыть людям глаза на то, что было недоступно столько лет. Чтобы матери, отцы и дети погибших знали, как и при каких обстоятельствах погиб их сын или отец. А ведь многие этого не знают. И повесть эта нужна именно сейчас, пока еще живы такие люди, как Вы, Ольга Васильевна и жены, и матери других погибших моряков. Вы пишете, дорогая Ольга Васильевна, что Ваш муж не одобрил бы эту тяжбу с флотом. Да, я с Вами согласен. Ведь он был очень скромным человеком.

С Вашим мужем, а моим командиром, я был знаком с 1951г. По окончании учебного отряда в Севастополе меня распределили на линкор "Новороссийск" в электротехнический дивизион, которым командовал Ваш муж Ефим Михайлович. Он, кстати, тоже только пришел туда служить. Отзывы о нем были не однозначны: одни утверждали, что он излишне строг, другие - строг, но справедлив. И, как Вы сами знаете, сколько людей, столько и мнений. По первости у нас были частые беседы по поводу бритья или грязных пуговиц и блях. Но у молодых, пока не войдут в ритм службы - это болезнь. Из этих бесед я сделал вывод: наш командир любит во всем порядок, и старался его поддерживать. В общем, в первый год было все: и беседы, и наказания, но все в пределах и заслуженно. Когда я начал успевать приводить в порядок, все это отпало само собой. Дальше надо было нас научить обслуживать технику. Техника была не наша - итальянская. Схем почти не было, и до всего надо было доходить своим умом и смекалкой. И вот здесь мы с ним очень сблизились. Сколько мы с ним провели дней и ночей у механизмов, это только Богу известно.

Теперь о том роковом дне. Утром, как Вы знаете, мы вышли в море, где проверяли механизмы после ремонта. Примерно в шесть часов вечера зашли в бухту и стали на бочки. Я в этот день был дежурным по личному составу. Я должен был проводить увольняемых, принять их

после увольнения, ну и следить за порядком в дивизионе. В 24 00 прибыли с увольнения, проверил, замечаний нет. Время было уже где-то около часа ночи. Мой дружок Леня Екимов предложил мне спуститься в 1-ую электростанцию подучить правила - готовились к проверке, но я отказался, а он взял книгу и пошел в электростанцию N 1, и больше я его не видел. Остался там. Я лег спать, и в 2 с минутами раздался взрыв. Койку мою сорвало, и я очутился на палубе. Кромешная темнота и тишина, только слышно было бульканье воды. Это продлилось секунду или две, после чего, как по команде, все крикнули "Ой!" Я стал искать фонарик (у меня был на койке), но не нашел. И здесь мне какой-то молодой матрос предложил спички. Я присветил и не узнал свой кубрик: вся палуба разворочена, как листья бумаги, а ведь толщина ее где-то 220 мм, кругом кровь и ил. Первое о чем подумал - это война. И я решил выбраться наверх для выяснения обстановки. Когда подошел к трапу, то увидел зияющее отверстие и звезды на небе, хотя вверху должно быть еще две палубы. Все было вынесено наверх. Когда я все же выбрался на верхнюю палубу, то там уже было несколько матросов и помощник командира корабля Зосим Григорович, который всех успокаивал. Через несколько минут была объявлена боевая тревога. Мы разбежались по боевым постам. Мой пост был во 2-ой электростанции. Когда стали поступать донесения с других электростанций выяснилось, что часть людей погибла и их надо кем-то заменить. Я со своей электростанции отправил часть матросов в 3-ю электростанцию, так как там Миша Максимов был смертельно ранен. Когда все уладилось, все электростанции заработали, я доложил Ефиму Михайловичу: "Электростанции все на ходу, кроме 1-ой, через которую прошел взрыв". Он сказал: "Добро, помоги разобраться со светом для аварийных партий", которые работали в носовой части корабля. Мы туда наладили переноски и стали следить за работой своих механизмов. Все у нас было нормально. Генераторы работали исправно. Свет, где не был поврежден, горел. Через некоторое время один из матросов докладывает, что появилась течь из переборки по левому борту. Я дал команду принять меры по устранению течи, а сам доложил Ефиму Михайловичу. Он выслушал и говорит: "Примите меры, чтобы вода не распространялась дальше и не затопило генераторы и щит". Давай мы искать, чем можно укрепить переборку, так как ее стало выпучивать. В общем, как могли сдерживали поступление воды, но крен все время увеличивался и уже стоять, не держась за что-либо было невозможно.

Я поднялся в кубрик посмотреть, что там делается. Наш кубрик уже был затоплен полностью, а 15 наполовину. Аварийных партий нет. Наверное, поняли бесполезность своей работы, а может были сняты на другие места. В общем, только в посту энергетики были телефонисты и Ефим Михайлович с Ивановым. Я их видел все время вместе. Когда я снова спустился в электростанцию, услышал по радио какое-то шипение и ненормальную работу генераторов. Оказалось, вода по вентиляционному раструбу стала заливать генераторы. На верхней палубе наверное не был задраен вентиляционный грибок, и вода через него стала поступать. Генераторы вышли из строя. Мы их остановили, переключили свой щит на 3-ю электростанцию. А вода стала быстро заливать электростанцию. Остановить воду не было никакой возможности. Я доложил обо всем этом Ефиму Михайловичу. Он выслушал внимательно, немного подумал и дал такой приказ: "Выводить людей наверх, помещение задраить". Что я и сделал. Когда все пошли наверх, я зашел в пост энергетики для доклада о выполнении приказа и сразу обратил внимание на кренометр, который уже показывал более 20 градусов. Это уже говорило о том, что корабль переворачивается. В это время с поста живучести вышел Ефим Михайлович и Иванов. Я доложил ему и стал ждать дальнейших указаний. Он сказал подниматься наверх. "А Вы?" - был мой ответ. "А мы сейчас посмотрим (что именно, я не понял) и тоже будем подниматься" - и оба ушли в пост живучести. Я постоял немного и решил посмотреть, что делается на верхней палубе. Когда вышел наверх - через минуту - две, корабль начал переворачиваться полным ходом. Больше я их не видел. Когда корабль лег на борт, я побежал и прыгнул в воду и стал от него отплывать подальше с мыслью, что сейчас взорвутся снаряды, но, слава Богу, этого не произошло. Когда он уже полностью перевернулся, к нам начали подходить плавсредства с других кораблей и вытаскивать из воды. Меня подобрала вместе с парторгом корабля. Я ему все доказывал, почему не дали команду покинуть помещения. Ведь матросы остались все на своих местах. Но кто он такой? - такая же пешка, как и мы. Ольга Васильевна, я вот все время удивляюсь выдержке и хладнокровию Вашего мужа, а моего командира. Когда мы с ним разговаривали в последний раз, я не заметил ни на его лице, ни в поведении никакой ни растерянности, ни суеты. Полное хладнокровие и ясный ум. Ну, понимаете, человек вел себя так, будто нет никакой опасности. Хотя он же умнейший человек и лучше нас знал, какая серьезная опасность надвигается, но ни один мускул не дрогнул на его лице. В общем, дорогая Ольга Васильевна, я преклоняюсь перед мужеством и храбростью Вашего супруга. Его дети и

внуки вправе гордиться таким отцом и дедом. Он поступил как настоящий морской командир - с мостика не сошел. Хотя это и больно, и обидно, ведь о нем в статье почти ничего не упоминается. А ведь он на корабле делал основное и не словами, а делами. Он боролся за живучесть корабля до последней своей минуты жизни. Но этого никто не видел, потому что все они были на верхней палубе и совещались до тех пор, пока не затонул корабль, а вместе с ним и те, кто боролся за его живучесть.

А спасти корабль было невозможно. Там было все заложено его изготовителями. Кубрики большие - от борта до борта, продольных переборок не было, а поперечные из такого железа, что и ведра воды не выдержат, а не то, что несколько сот тонн. Вот такое мое мнение. Надо было спасать не корабль, а людей.

Дорогая Ольга Васильевна, о всех командах и всех действиях Вашего мужа я, естественно, не знаю, потому что мы находились в разных помещениях. Я только описал то, какие переговоры вел я с ним. А какие переговоры были с вышестоящим руководством, я не знаю. Что Вам еще написать, Ольга Васильевна. Ваш муж был для меня и командиром и старшим товарищем, очень уважаемым, и я всю жизнь буду о нем вспоминать как о человеке, который оставил в моей памяти неизгладимое впечатление.

До свидания, Ольга Васильевна, дорогая, извините, может что не так, ведь прошло столько времени. А писателю я бы хотел пожелать, чтобы он собрал материал о деятельности Ефима Михайловича на флоте и в военное время и осветил в литературе, если это возможно.

До свидания, Ольга Васильевна.

С уважением к Вам, Владимир Деточка.

(1989 год)